

ANNALES CONTEMPORAINES

СОВРЕМЕННЫЕ ЗАПИСКИ

ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
и ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ

XLI

1930

ПАРИЖЪ

О Чеховѣ.

(1904 - 1929)

I.

Чеховъ умеръ 44 лѣтъ, когда талантъ его достигъ полной зрѣлости. Жизнь его была много короче, чѣмъ жизнь Тургенева, Достоевскаго, Гончарова... Но страшно: хотя мастерство его дѣлалось все увѣреннѣе, — смерть его съ точки зрѣнія литературы не кажется преждевременной. Въ немъ не чувствовалось уже большихъ неиспользованныхъ возможностей. Правда, онъ не оставилъ ни одного романа, хотя въ перепискѣ его есть указанія, что онъ хотѣлъ написать романъ. Но даже отрывковъ романа не было опубликовано со дня его смерти. Чеховъ постоянно нуждался и не хранилъ рукописей про запасъ. Единственно цѣнное, что было напечатано посмертно — это его письма.

«Письма Чехова похожи на его рассказы. Отъ нихъ трудно оторваться!» Эти слова покойнаго К. И. Айхенвальда правильны только отчасти. Письма Чехова совсѣмъ не «литература» и не предназначенны для будущихъ читателей. Они писались по разнаго рода практическимъ поводамъ, были средствомъ общенія съ людьми и только. Въ нихъ очень мало описаній, характеристикъ, еще меньше разсужденій о литературѣ, которыхъ Чеховъ специально не лю-

билъ («что это мы вдругъ о литературѣ заговорили?» удивляется онъ въ письмѣ къ женѣ). Литературно-значительныя письма всеобще рѣдки: письма Пушкина и хуже его остальной прозы, письма Байрона много лучше его поэзіи, — но это исключенія. Тачъ бываетъ или когда писатель очень значителенъ, какъ человекъ, или когда письма пишутся не въ житейномъ планѣ, а какъ литературныя произведенія. Ни того ни другого нѣтъ въ чеховскихъ письмахъ.

Если бы не бояться парадокса, можно было бы сказать, что письма Чехова, наоборотъ, совершенно непохожи на его рассказы. Но и это было бы невѣрно. Чеховъ не былъ объективнымъ художникомъ, писателемъ съ «холодной кровью», которому безразлично было что описывать, какъ одно время утверждала критика. Рассказы его лиричны, связаны съ его личностью. Но въдѣ письма — самое прямое и непосредственное выраженіе той же личности. Значитъ, какъ-то его творчество и его письма должны между собою **парекликаться**. Къ этому мы и хотимъ прислушаться. Единый и цѣльный образъ все же вырисовывается изъ того, что мы знаемъ о Чеховѣ. Но въ творествѣ этого образъ утончается, одухотворяет-

ся, въ письмахъ же онъ скорѣе упрощается и даже иногда огрубляется.

Всѣмъ памятенъ образъ зрѣлаго Чехова, выразителя «интеллигентскихъ настроеній восьмидесятыхъ годовъ». Памятенъ и внѣшній одухотворенный и типично интеллигентскій обликъ, глядящій на насъ съ его портретовъ. Мы помнимъ къ чему Чеховъ пришелъ, но забыли — откуда онъ идетъ. Восьмидесятникомъ Чеховъ сталъ въ девятистые годы. Въ восьмидесятые же годы, особенно въ первую ихъ половину Чеховъ не былъ интеллигентомъ и не зналъ настроеній. Въ это время жилъ и писалъ жизнерадостный Антоша Чехонте.

Бунинъ вспоминаетъ, что Чеховъ противопоставлялъ себя какъ писателя-мѣщанина ему, какъ писателю-дворянину. Объ этой связи Чехова съ мѣщанской средой мы склонны забывать. Дѣды его были крѣпостными и только въ 1841 году выкупить на волю себя и свою семью за 3.500 рублей, по 700 рублей за душу (одну дворянку онъ получилъ даромъ, въ приданое!). Такой выкупъ говоритъ о силѣ воли и даровитости. Чеховская кровь была галантинная кровь и семья ихъ — бодрая, идущая вверхъ семья. Отецъ его уже былъ купцомъ и, одно время, довольно состоятельнымъ. Въ дѣтствѣ Чеховъ помогать отцу торговать селедками въ котопятной лавкѣ. Однако, движеніе вверхъ не было прямымъ и на время прекратилось. Отецъ его страстно увлекался церковнымъ пѣньемъ, сжегавилъ хоръ, забрасывалъ тѣмъ же свои дѣла. Художественное начало оказалось тѣмъ практической жизни элементомъ разлагающимъ. Отецъ раззорился, семья изъ

тихаго Таганрога перебралась въ Москву. Чеховымъ грозила нищета и гибель. Но имъ суждено было новое восхожденіе по инымъ путямъ. Упорнымъ трудомъ они выбились, а одному изъ нихъ, Антону, удалось подняться на вершины русской литературы!

Въ грудной жизненной борьбѣ Чеховыхъ поддержала взаимная любовь, бодрость, работоспособность. Повидимому, отецъ, подавленный катастрофой, какъ — пошелъ въ тѣнь и очень рано духовнымъ центромъ семьи стало богато одаренный мальчикъ Антоша. Отметимъ, что не сохранилось ни одного письма Чехова къ отцу. Пропали ли они, или ихъ было мало? Но и въ письмахъ къ другимъ членамъ семьи упоминанія объ отцѣ рѣдки. Одинъ разъ мальчикомъ, съ удивительнымъ предчувствіемъ своей судьбы, онъ пишетъ: «отецъ и мать единственные для меня люди... Если я буду высоко стоять, то это дѣла ихъ рукъ». И въ другой разъ, много позже, рассказываетъ, какъ посѣлъ безсонной пасхальной ночи, проведенной на улицахъ Москвы, они разговаривали всей семьей и пѣли хоромъ подъ управленіемъ отца «Святыхъ Боже».

Когда семья перебралась въ Москву, шестнадцатилѣтній Антоша остался въ Таганрогѣ. Тамъ, въ урокахъ, писалъ семьѣ бодрые письма. Былъ ботаническимъ, веселымъ, незауряднымъ мальчикомъ. Вотъ первое известіе намъ письмомъ къ младшему брату Мишѣ. Какія въ немъ еще потудѣтскія, но характерныя для Чехова черты: «Почеркъ у тебя чудовищъ и во всемъ письмѣ я не нашелъ у тебя ни одной грамматической ошибки. Не нравится мнѣ одно: зачѣмъ ты величаешь особу

свою «ничтожнымъ и незамѣннымъ братишкой». Ничтожество свое сознаешь? Не всѣмъ, братъ, Мишамъ надо быть одинаковыми. Ничтожество свое признавай, знаешь гдѣ? Передъ Богомъ, пожалуй, передъ умомъ, красотой, природой, но не передъ людьми. Среди людей нужно сознавать свое достоинство. Вѣдь ты не мошенникъ, честный человѣкъ? Ну, и уважай въ себѣ честнаго малюго и знай, что честный малый не ничтожность». Дальше онъ сообщаетъ, что часто играетъ въ бабки, но, очевидно, еще больше читаетъ. «Привыкай читать — совѣтуетъ онъ брату — современемъ ты эту привычку отъбънишь». Далѣе слѣдуютъ совѣты прочесть полнаго «Донъ Кихота» («Хорошъ я вещь. Сочиненіе Сервантеса, котораго ставятъ чуть ли не на одну ногу съ Шекспиромъ»); даже совѣтъ старшимъ братьямъ прочесть статью Тургенева «Гамлетъ и Донъ Кихотъ».

Второе изъ сохранившихся писемъ Чехова обращено къ двоюродному брату М. М. Чехову. Какъ высока должна была быть репутация мальчика въ семьѣ, если двоюродный братъ, имѣвшій нѣкоторое положеніе (служилъ прикащикомъ) и пользовавшійся большимъ авторитетомъ у Чеховыхъ, первый написалъ ему, не будучи съ нимъ лично знакомъ, письмо съ предложеніемъ дружбы. «Вы протягиваете мнѣ руку брата, — пишетъ въ отвѣтъ Чеховъ — съ чувствомъ достоинства и гордости я принимаю ее, какъ руку старшаго брата. Вы первый намекнули о братской дружбѣ, это съ моей стороны дерзость. Обязанность младшаго просить старшаго о такомъ предметѣ... Черезъ нѣкоторое время онъ снова

пишетъ тому же двоюродному брату, уже послѣ того какъ онъ побывалъ въ Москвѣ и лично съ нимъ познакомился: «радуюсь, что мы расстаемся задушевыми друзьями и братьями». Затѣмъ идетъ просьба, которая хорошо характеризуетъ его чуткость и любовь къ матери: «Если я буду присылать письма моей мамашѣ черезъ тебя, то будь такъ добръ, отдавай ихъ мамашѣ не при всякой компаніи, а тайно: бываютъ въ жизни такія вещи, которыя можно высказать только единому лицу вѣрному... Будь такъ добръ, продолжай утѣшать мою мать, которая разбита физически и нравственно. Для насъ дороже матери ничего не существуетъ въ семьѣ развѣдственномъ мірѣ». Таковъ былъ стиль его писемъ того времени. Онъ любилъ такія фразы: «не придется еще разъ пробѣгать по маменькѣ Россіи въ маменьку или матушку Москву къ своей маменькѣ...» Или: «хлѣба въ полѣ... цвѣтутъ лучше московскихъ барышень, сіяютъ ярче червонца, растутъ въ гору, какъ капиталъ отъ 25 процентовъ». Такихъ и тому подобныхъ фразъ сколько угодно въ его письмахъ. Конечно, характеръ этого эпистолярнаго остроумія объясняется отчасти тѣмъ «вѣчно мальчишескимъ», что неизбежно въ восемнадцатилѣтнемъ возрастѣ. Но кое-что свидѣтельствуетъ и о налетѣ мѣщанскаго окруженія. И еще много позже этотъ налетъ остается въ чеховскихъ письмахъ. Какойнибудь «поклонъ мамашѣ - таракашѣ» или замѣна слова писателя «писакой» — «писака средней руки, какъ я», «Лѣсковъ мой любимый писака», «Человѣчина» вмѣсто человѣкъ, «братуха» вмѣсто братъ и тому подобное...

«Писакой средней руки» Чеховъ сдѣлалъ рано, первый его разсказъ былъ напечатанъ въ «Стрелкѣ», когда онъ былъ студентомъ медикомъ перваго курса. Чеховъ какъ то позже шутиливо называлъ свои ранніе разсказы «лицейскими». Увы, сады Лицея не цвѣли на московскихъ Козихахъ и Плющихахъ. Державиннымъ, благословившимъ его, былъ Лейкинъ. Но свѣтъ и его улыбкой встрѣтилъ.

Даже не улыбкой, а веселымъ смѣхомъ. И не мудрено — Чеховъ самъ весело смѣялся и потому смѣшилъ. То, что онъ, столь далекій отъ литературныхъ интересовъ, сталъ писать, говорило о большой природной потребности и склонности, почти инстинктъ. Онъ не могъ не писать, какъ молодой котенокъ не можетъ не играть. И Чеховъ заигралъ и нѣкоторые разсказы его той поры похожи на веселые прыжки молодого пса. Впрочемъ далеко не все. Очень скоро въ писаньи его сталъ играть роль вопросъ гонимый. Очень скоро онъ сталъ получать (правда, только въ «Осколкахъ») «великолѣпную плату», 8 копѣекъ за строчку. И хотя окончательно «выскочилъ изъ пятачка», только въ 1886 году, но уже черезъ два года писанія зарабатывалъ литературнымъ трудомъ около ста рублей въ мѣсяцъ. «Не завидуй, братецъ, мнѣ, — пишетъ онъ брату Александру, который тоже помѣщалъ разсказы въ юмористическихъ изданіяхъ... Писанье, кромѣ дерганья, ничего мнѣ не даетъ. 100 рублей, когда я получаю въ мѣсяцъ, уходятъ въ утробу и нѣтъ силъ перемѣнить свой сѣренькій, непріятный скрутокъ на что либо ме-

нѣе веселое. Въ семью ухлопывается больше 50... У Николки (брата) денегъ тоже чертмалъ»

Литературной средой его въ это время были дѣятели мелкой прессы. Чеховъ былъ достаточно зорокъ, чтобы видѣть всѣ недостатки этой среды. «Газетчикъ значить, по меньшей мѣрѣ, жуликъ... Я въ ихней компаніи, работаю съ ними, рукопожимаю и, говорятъ, издали сталъ похожъ на жулика. Скорблю и надѣюсь, что рано или поздно изолирую себя... Я газетчикъ, потому что много пишу, а это временно... **Онымъ не умру.** Отмѣтимъ эту раннюю увѣренность. И такъ же рано проявилась у Чехова моральная чистоплотность. Въ томъ же письмѣ, гдѣ онъ говоритъ брату о газетчикахъ и о гонорарѣ, онъ рассказываетъ: «Пастуховъ (издатель Московскаго Листка) водилъ меня ужинать въ Тѣстову, пообѣщалъ 6 коп. за строчку. Я заработалъ бы у него не 100, а 200 руб. въ мѣсяцъ. Но самъ видишь, лучше безъ штановъ, съ голой ж... на визитъ пойти, чѣмъ у него работать».

Какова же была «лицейская» продукция веселаго Антоши Чехонте? Она собрана въ первые три тома его сочиненій, изданныхъ Марксомъ, причемъ многое туда не вошло. Многие же были перепечатаны, вѣроятно, только въ виду крайней добросовѣстности Чехова по отношенію къ Марксу, желанія дать ему побольше матеріала. Пѣкъ онъ свои разсказы быстро, работая въ день не больше 2 - 3 часовъ. Писалъ ихъ въ одинъ присѣсть («писание съ антрактами все равно, что пульсъ съ перерывами»). Писалъ, приспособляясь къ работѣ въ газетахъ и юмористическихъ изданіяхъ. Но незаурядный талантъ его проявился

сразу. И не только талантъ, но и критическое чутье. Уже первый напечатанный Чеховымъ набросокъ является какъ бы *credo* начинающаго автора. Называется этотъ отрывокъ «Что чаще всего встрѣчается въ романахъ, повѣстяхъ и т. п.». Графъ, графиня со слѣдами когда-то бывшей красоты, сосѣдь бароны. Лица некрасивыя, но симпатичныя и привлекательныя. Докторъ съ озабоченнымъ лицомъ, подающій надежду на кризисъ, часто имѣетъ палку съ набалдашникомъ и лысену. Слуга, служившій еще старымъ господамъ, готовый за господъ тѣсть хоть въ огонь» (какъ не остерегется онъ потомъ писать своего Фирса?). Словомъ, молодой Чеховъ зорко отмѣчаетъ штампы и шаблоны беллетристовъ. Самъ же онъ проявилъ яркую оригинальность, быстро овладѣвъ формой маленькаго, почти миниатюрнаго рассказа и сталъ ценовымъ, въ сущности, мастеромъ этого жанра въ Россіи. Онъ неистощимъ въ выдумкѣ анекдотическихкихъ положеній и не брезгуетъ прибѣгать и къ незагнѣивой выдумкѣ смѣшныхъ фамилій, всякихъ Печенкиныхъ, Замухрышкиныхъ, отцевъ Кнопъ, Шмуксовъ. Онъ вообще ничѣмъ не брезгуетъ. Ему надо быстро выработать свои строчки, насмѣшить, позабавить. Изрѣдка стѣнка опечалить. Отъ этого его рассказы очень неравноцѣнны, то онъ даетъ грубый шаркъ, то достигнетъ сипитичной шуткости и мѣткости японскихъ рисовальщиковъ. Многие рассказы его до сихъ поръ заставляютъ смѣяться. Мало того, они заставляютъ смѣяться въ переводахъ, оторванные отъ родной почвы. Могъ ли Антоша Чехонте предполагать, что его бездѣлушки изъ

«Осколковъ» будутъ смѣшны на прихотливыхъ парижанъ въ 1929 году?

II

Въ 1889 году Чеховъ писалъ Суворова: «Что писатели дворяне брати у природы даромъ, то писатели разночинцы покупаютъ цѣною молодости. Напишите-ка разсказъ о томъ, какъ молодой человѣкъ, сынъ крѣпостного, бывший тавочникъ, пѣвчій, гимназистъ и студентъ, воспитанный на чинъ-почитани, цѣтованьи поповскихъ рукъ, поклоненіи чужимъ мыслямъ, благодарившій за каждый кусокъ хлѣба, много разъ сѣченый, ходившій по урокамъ безъ галошъ, дравшійся, мучившій животныхъ, любившій обѣдать у богатыхъ родственниковъ, лицемерившій и Богу и людямъ безъ всякой надобности, только изъ сознанія своего ничтожества, — напишите, какъ этотъ молодой человѣкъ выдавливаеетъ изъ себя по каплямъ раба и какъ онъ, проснувшись въ одно прекрасное утро, чувствуетъ, что въ его жилахъ уже течетъ не рабская кровь, а настоящая челоуѣческая».

Такой разсказъ никогда не былъ написанъ ни Суворовымъ, ни самимъ Чеховымъ. Тайна постепеннаго выдавливанія изъ себя раба осталась для насъ скрытой. Намъ кажется, что перерождение случилось действительно вдругъ, «въ одно прекрасное утро». Это утро было, вѣроятно, въ 1885 или 1886 году. Эти годы, особенно 1886 г., были переломными въ жизни Чехова. Онъ окончилъ курсъ, сталъ врачомъ, расширилъ кругъ своихъ знакомствъ и интересовъ. Къ 1886 году относится и выходъ въ свѣтъ его первой книги, и начало со-

трудничества въ «Новомъ Времени», и окончательными переходя въ литературѣ, какъ къ дѣлу жизни. Сразу и вдругъ исчезъ веселый малый Антоша Чехонте. Родился большой писатель Антонъ Чеховъ. Онъ ушелъ отъ мѣщанскаго дѣтства, отъ веселой и грубоватой молодости, чтобы стать тѣмъ Чеховымъ, котораго мы знаемъ. Ушелъ отъ грубаго и несложнаго, чтобы придти къ звеняще хрустально нѣжному. И тогда же «Богъ вложилъ въ него бациллу», и него произошло первое кровохарканье на туберкулезной почвѣ, значенья котораго онъ тогда не понималъ.

Такое совпадение невольно вызываетъ вопросъ: не объясняется ли это перерождение болѣзью, не было ли оно само болѣзненнымъ? Вспоминаются слова Бунина о томъ, что Чеховъ считалъ дворянина Бунина ботѣе «крѣпкимъ» здоровымъ писателемъ, чѣмъ себя «мѣщанина», и что вообще считалъ людей мѣщанскаго корня особенно легко подверженными процессамъ разложения, декаданса. Но физическая болѣзнь Чехова ничто глупая въ немъ, не мѣшая вести нормальный образъ жизни. Кажется, что только исключительно крѣпкій отъ природы организмъ десять лѣтъ могъ бороться и побѣждать болѣзнь. Что касается его творчества, то, можетъ быть, болѣзнь чуть-чуть обострила его грусть, утончила восприятие мира, сознание преходящести, мгновенности всего, но мы думаемъ, что Чеховъ до конца дней сохранилъ полное духовное и душевное здорovie, что творчество его было здоровымъ, можетъ быть, на чей нибудь вкусъ даже слишкомъ здоровымъ. Декадентскаго въ немъ ничего не было.

Чеховъ постепенно начиналъ понимать, что онъ обладаетъ незауряднымъ талантомъ. Еще въ 1883 году онъ пишетъ брату «я теперь едва ли буду работать гдѣ нибудь за пятакъ». Фраза стала (Фраза фамилия московскаго ювелира). Но это была потешка, какъ всѣ его милыя шутки о своей знаменитости («черезъ 10 - 20 лѣтъ вы сможете продать это письмо за 500 рублей. Завидую вамъ», — пишетъ онъ одному знакомому, прося у него взаймы 25 рублей). Но только весной 1886 года появилась у него истинная вѣра въ свои силы.

Странныя бываютъ совпаденія. Тому же писателю, который, прочтя «Бѣдныхъ Людей», вмѣстѣ съ Некрасовымъ постѣ бессонной ночи прибѣжать къ Достоевскому и разбудить его, чтобы выразить ему поскорѣе свой восторгъ, въ 1886 году, больше чѣмъ черезъ 40 лѣтъ, удалось «открыть» и обнаружить другого выдающагося писателя — Чехова. Старый и знаменитый Григоровичъ написалъ молодому дебютанту письмо. У Чехова была трезвая крѣпкая голова и не легко кружилась, какъ Достоевский «искушети же я такъ великъ». Но все же и онъ пишетъ въ отвѣтъ Григоровичу «я какъ въ чадѣ» (если это только не было вѣжливой *façon de parler*). «Ваше письмо, горячо любимый благодарственитель, поразило меня, какъ молния. Какъ вы притаскали мою молодость, такъ пусть Богъ успокоитъ вѣчную старость. Если у меня есть даръ, который стѣдуетъ уважать, то каюся переть чистоту вашего сердца я доселѣ не уважалъ его. Я чувствовалъ, что онъ у меня есть, но привыкъ считать его ничтожнымъ. Всѣ мои

близкіе ...не переставали дружески совѣтовать мнѣ не мѣнять настоящее дѣло на бумагомаранье... Черезъ нѣсколько дней, въ письмѣ къ дядѣ въ Таганрогъ, онъ не можетъ удержаться, чтобы не похвастаться письмомъ Григоровича, не привести изъ него выдержки. Здѣсь онъ уже совершенно впадаетъ въ тонъ молодого Достоевскаго: «редакторъ повезъ меня въ Петербургъ. Ёхалъ я на курьерскомъ въ I классъ, что обошлось редактору не дешево. Въ Питерѣ меня такъ приняли, что потомъ два мѣсяца кружилась голова отъ хвалебнаго чада... Квартира у меня была тамъ великолѣпная... въ «Новомъ Времени» мнѣ платятъ по 12 коп. за строчку. Чудеса! Въ Питерѣ я теперь модный человекъ» и т. д. Но такъ велика всегдашняя скромность Чехова, что, кажется, тонъ этотъ взятъ только для того, чтобы доставить удовольствіе простодушнымъ провинціаламъ: вотъ, молъ, какъ высоко satisfied былъ канцъ Антонъ!

Но, пожалуй, большую роль, чѣмъ Григоровичъ сыгралъ въ развитіи Чехова Суворинъ. «Первое, что толкнуло меня къ самокритикѣ, было очень любезное и, насколько я понимаю, искреннее письмо Суворина», писалъ онъ Григоровичу. Само сотрудничество въ «Новомъ Времени» открывало передъ нимъ новыя возможности. Тамъ не только хорошо платили, но, главное, можно было помѣщать болѣе объемистыя и не юмористическія вещи. Но все это, разумѣется, были только реактивы, ускорившіе самостоятельные, внутренніе процессы духовной зрѣлости.

Поразительно какъ коротокъ у Чехова ученическій, переходный періодъ. Какіе нибудь пять - шесть

разказовъ, написаны не вполнѣ увѣренно, рѣзки по линиямъ, шаржированы, «Несчастье», «Враги», «Кошмаръ»... Но вотъ ранній разказъ «На пути» звучитъ уже совершенно по чеховски. Разумѣется, черезъ нѣсколько лѣтъ Чеховъ, описывая наружность дѣвушки, не сказалъ бы, что она «съ массой кружевъ на шеѣ и рукавахъ, съ острыми локтями и длинными розовыми пальчиками, напоминала портреты средневѣковыхъ англійскихъ дамъ». (Вѣроятно, Чехову вспомнился какой-нибудь портретъ Возрожденія). Онъ не сказалъ бы о героѣ, что у него чуткая душа (онъ безъ ироніи не употреблялъ впоследствии слово «чуткій»). Но этотъ Лихаревъ уже прообразъ Дяди Вани и Вершинина и другихъ чеховскихъ скитальцевъ. И этотъ ночной разговоръ, чуть не соединившій навсегда стараго и бездомнаго человека и молодую дѣвушку — подлинный Чеховъ. Онъ напоминаетъ «Даму съ Собачкой», любовь Иванова къ молодой дѣвушкѣ и прощанье Вершинина съ Машей въ «Трехъ Сестрахъ».

Отчасти эта неожиданность и быстрота расцвѣта объясняется тѣмъ, что онъ былъ долго искусственно задержанъ. По словамъ Чехова, когда онъ набрасывалъ свои разказы, какъ репортерскія замѣтки, онъ «писалъ и всячески старался не потратить на разказъ образовъ и картинъ, которые мнѣ дороги и которые я, Богъ знаетъ почему берегъ и тщательно пряталъ». Но какими образомъ эти «образы и картины» вылились въ специфическую и оригинальную форму чеховскаго разказа, — мы не знаемъ. Письма намъ не помогутъ. Онъ много читалъ, несмотря на свою якобы «схлопающую

дѣнь». Но о книгахъ онъ въ письмахъ не разсуждаетъ. Въ свою художественную лабораторію постороннихъ не вводитъ. Совѣты какъ свѣ описаніи природы надо хвататься за мелкія частности, группируя ихъ такимъ образомъ, чтобы по прочтеніи, когда закроешь глаза, давалась картина, — тайны творчества его не выдаются!..

Чеховскій разсказъ, его приемы, его мастерство явились въ литературѣ сразу въ своемъ неожиданномъ совершенствѣ, въ своей изумляющей оригинальности. Критикамъ формалистамъ трудно будить по ихъ излюбленному методу свести ее на уже знакомое, бывшее и чужое. Порой кажется, что Чеховъ внѣ исторіи, что онъ не зналъ вліяній. Разумѣется, это не такъ. Разумѣется, его творчество выросло на почвѣ русской литературы. Даже поверхностный анализъ найдетъ въ Чеховѣ слѣды вліянія Льва Толстого. Напримѣръ, въ Дуэли есть цѣлый рядъ совсѣмъ толстовскихъ ходовъ мысли, построенія фразы: «нелюбовь Лаевскаго къ Надеждѣ Федоровнѣ выражалась въ томъ, что все, что она говорила и дѣлала, казалось ему ложью или похожимъ на ложь и все, что онъ читалъ противъ женщинъ и любви, казалось ему, какъ нельзя лучше подходило къ нему...» Или: «и когда Кирилинъ сталъ ухаживать за лею, она была не въ силахъ, и не хотѣла, не могла противиться ему и отдалась ему» — развѣ это не толстовская рѣчь? И развѣ не отзвуки Достоевскаго въ большой повѣсти «Разсказъ Неизвѣстнаго Человѣка», — террориста, служащаго въ лакеяхъ и влюбляющагося болѣзненной «униженной и оскорбленной» любовью въ любов-

ницу своего «барина». И развѣ не изъ Достоевскаго взятъ пьяный чиновникъ, отецъ «Анны на шеѣ», и не по Достоевскому умоляютъ его сыновья гимназисты «будетъ, папочка, не надо, папочка!» И не у Тургенева ли взята Аріадна, портреты молодыхъ дѣвушекъ, инѣй лейзажъ? Но приемы Чехова кажутся болѣе совершенными, чѣмъ тургеневскіе. Тургеневъ описываетъ наружность своихъ героевъ, подробно разсказываетъ о ихъ прошломъ. У Чехова же какая-то легкая свѣтотѣнь изнутри моделируетъ фигуры людей, освѣщаетъ лица...

Были критики, которые находили въ Чеховѣ слѣды вліянія Мопассана. Трудно назвать болѣе различныхъ писателей! Оба они были великими мастерами короткаго разсказа, но Мопассанъ, прежде всего именно разсказчикъ интересныхъ исторій. Онъ умѣетъ сразу заинтересовать и, еле замѣтнымъ нарастаніемъ, поддерживать неослабывающій интересъ слушателя, чтобы тотъ затаилъ дыханье и разинулъ ротъ! Все не нужно для этого, чтобы самъ сюжетъ разсказа былъ особенно яркимъ и драматическимъ. Надо умѣть сервировать блюдо. Очарованіе Мопассана въ близости къ живому, устному разсказу. Недаромъ онъ пользовался охотно такой устарѣлой фикціей, какъ «мы сидѣли у камина и докторъ предложилъ: пусть каждый разскажетъ самый замѣчательный случай изъ своей жизни!» Самое обычное звучитъ у него, какъ необыкновенное приключеніе и самое необыкновенное кажется кускомъ неприкрашенной жизни.

Чеховъ зналъ, но какъ будто не очень любилъ Мопассана. Разъ онъ довольно презрительно об-

мѣвился словомъ: «мопассановщина». Есть и хвалебные отзывы (о романахъ), но влияния Мопассанъ не имѣлъ на него никакого. Чеховъ рѣдко прибѣгаетъ къ факции зстнаго разсказа. Да и какъ, «собравшись у камина», начать такъ: «господа, пусть каждый разскажетъ самый неинтересный случай изъ своей жизни». Въдѣ первое правило чеховскаго канона: совершенно безразлично, что разсказывать, лишь бы было «настроение», это специфически чеховское «нѣчто». Въ картинѣ для Чехова важенъ только тонъ.

Тонъ этотъ сумеречный, вечерний, грустный. «У меня выходитъ это невольно и, когда я пишу, то мнѣ не кажется, что я пишу мрачно: во всякомъ случаѣ, работая я всегда бываю въ хорошемъ настроеніи. Замѣчено, что мрачные люди, меланхолики пишутъ всегда весело, а жизнерадостные своими писаніями нагоняютъ тоску. А я человекъ жизнерадостный, по крайней мѣрѣ первые 30 лѣтъ своей жизни прожилъ, какъ говориться, въ свое удовольствіе». Если не бояться отвлеченныхъ терминовъ, которыхъ такъ не любилъ Чеховъ («слова художественность я боюсь, какъ купчихи боялись купе-ла»), — то Чехова можно было бы назвать первымъ русскимъ импрессионистомъ. Только въ прогнвопложность французскимъ художникамъ онъ открытъ не пленаръ, а сумерки и полутона. Кроме того импрессионизмъ какъ будто предполагаетъ работу по непосредственнымъ, быстрымъ впечатлѣніямъ. Между тѣмъ Чеховъ писать по воспоминаніямъ. На просьбу, обращенную къ нему, когда онъ жилъ въ Ниццѣ, написать разсказъ изъ французской жизни, Чеховъ отвѣчалъ: «такой раз-

сказъ я могу написать только въ Россіи, по воспоминаніямъ. Я умѣю писать только по воспоминаніямъ, и никогда не писалъ непосредственно съ натуры. Мнѣ нужно, чтобы память моя процѣдила сюжетъ и чтобы на ней какъ на фильтрѣ, осталось только то, что важно или типично».

Значить, Чеховъ отмѣчаетъ не самое яркое впечатлѣніе, а самое длительное. Память даетъ какъ бы прѣвѣренный отборъ, и отбѣнокъ, прѣвѣкъ воспоминанія сразу придаетъ чеховскому разсказу немного нереальный и грустный колоритъ.

Искусство Чехова необыкновенно чисто, почти непримѣсно. Почти чуждо моральныхъ, публицистическихъ, религиозныхъ элементовъ. Только въ послѣдствіи у снѣволистовъ, или въ наши дни у Бунина, можно встрѣтить столь опредѣленное и сознательное отношеніе къ прозаическому повѣствованію, какъ къ искусству. Чеховъ пишетъ не для того, чтобы кого-либо развлечь, убѣдить или опечалить, но создаетъ художественныя «вещи въ себѣ». Поэтому такъ хочется сравнивать ихъ съ живописью, или еще больше съ музыкой. Они безпредметны, какъ музыка, и чаруютъ, какъ музыка. Эту музыкальность онъ и самъ замѣчалъ въ себѣ. «Надо выбрасывать лишнее, очищать фразу... надо заботиться о ея музыкальности...» даетъ онъ совѣтъ молодой писательницѣ. «Корректуру я читаю не для того чтобы исправлять внѣшность разсказа; обыкновенно въ ней я заканчиваю разсказъ и исправляю его, такъ сказать съ музыкальной стороны». Но онъ и задумывалъ разсказы музыкально. Все его творчество это стремленіе выразить, говоря его

словами «ту тонкую, едва уловимую красоту человеческого горя, которую не скоро еще научатся понимать и описывать и которую умѣть передавать, кажется, одна только музыка».

Поэтому когда думаешь о Чеховѣ, то вспоминаешь прежде всего какой-то звукъ, особый звукъ его прозы. Пластическая сила его не велика, и когда онъ хочетъ индивидуализировать, усилить жизненность своихъ героев, то принужденъ возвращаться къ арсеналу Антоини Чехонте, подчеркивать, шаржировать. Въ длинной веренищъ его созданий все сливается, трудно припомнить отдельныхъ людей, даже ихъ имена, и легче всего припоминаются (если исключить пьесы) именно тѣ вещи, которыя написаны не безъ шаржа, какъ Душечка или Попрыгунья. Чудо настоящего творчества чловѣка мы припоминаемъ у Чехова только одинъ разъ—это профессоръ изъ «Скудной Исторіи». Поэтому онъ не только не могъ написать романа, но даже длинныя повѣсти рѣдко удавались ему. «Степь», для которой онъ использовалъ сюжетный дѣтскія воспоминанія, — очень растянута. Растянута и «Дуэль» и, можетъ быть, сознательно. Чеховъ колебался не выбросить ли ему длинныя естественнонаучныя монологи Фонъ Корена, но сохранялъ ихъ, вѣроятно, чтобы замедлить темпъ повѣсти. Дуэль одна изъ немногихъ вещей Чехова съ идейными примѣсами, въ ней отразились толстовскія этические настроенія, ея сюжетъ — нравственное паденіе и воскресеніе въ любви. Чеховъ умѣлъ для своихъ длинныхъ повѣстей находить чарующій медленный темпъ и ритмъ (вспомните «Три Года»

и «Мою Жизнь»). Но повѣсти его немного статичны, въ нихъ нѣтъ динамики, развитія. Чеховъ изображаетъ тончайшіе оттѣнки чувства, но чувства неподвижнаго. Онъ даетъ одно настроеніе и потомъ сразу, безъ переходовъ смѣняетъ его другимъ такъ, какъ режиссеръ мѣняетъ иногда вдругъ освѣщеніе сцены, и все сразу поворачиваетъ другой оттѣнокъ. Такая смѣна является однимъ изъ излюбленныхъ чеховскихъ приемовъ. Въ повѣсти «Три Года» описывается безнадежная любовь московскаго богача Лаптева къ дѣвушкѣ, которая выходитъ за него замужъ по расчету. Но вотъ, подъ конецъ, неожиданная перемѣна: «Она объясняется ему въ любви, а у него было такое чувство, какъ будто онъ былъ женатъ на ней уже лѣтъ десять, и хотѣлось завтракать. Она обняла его за шею, щекоча шолкомъ своего платья его щеку: онъ осторожно отстранилъ ея руку...» И такъ же въ «Учителѣ Словесности». Какими волшебными красками Чеховъ описываетъ его влюбленность и какъ вдругъ, сразу почувствовалъ онъ, что его любовь — пошлость и ложь. Или въ рассказѣ «Сосѣди» братъ ѣдетъ вызвать на дуэль сосѣда, къ которому убѣжала его сестра. Но вдругъ его рѣшимость исчезаетъ и онъ возмущается, полный жалости и недоумѣнія, этихъ специфически чеховскихъ чувствъ.

III.

Чеховъ позднихъ лѣтъ своей жизни гораздо болѣе извѣстенъ, чѣмъ молодой Антоша Чехонте. Многочисленныя воспоминанія сохранили для насъ его манеру говорить и молчать, улыбаться

ся и шутить. Огласяемся бѣгло лишь на тѣ его черты, которыя кажутся менѣ знакомыми.

Хотя большая часть зрѣлой жизни Чехова прошла въ девяностые и девятисотые годы, но несомнѣнно онъ органически связанъ не столько, впрочемъ, хронологически, сколько духовно съ тѣмъ, что мы называемъ восьмидесятничествомъ. Если считать характернымъ для восьмидесятыхъ годовъ отсутствіе яркихъ событій, медленный темпъ и ритмъ жизни, грустный и хмурый ея колоритъ, то жизнь Чехова такъ же, какъ его произведенія, — были очень восьмидесятническими. Жизнь его въ тѣ десять лѣтъ, которыя прошли отъ первыхъ литературныхъ успѣховъ до обостренія болѣзни въ 1897 году, текла вѣтше благополучно. Онъ жилъ то въ деревнѣ, то въ Москвѣ, то за границей, много работалъ. Мѣнялся и расширялся кругъ его знакомыхъ. Уже не Лейкинъ, а Суворинъ господствуетъ въ эти годы въ его корреспонденціи. Къ Лейкину онъ, несмотря на свою юность относился скорѣе сверху внизъ, въ письмахъ обращался къ нему немного фамильярно «добрѣйшій». Дружба же и переписка съ умницей и циникомъ Суворинымъ вначалѣ льстила его самолюбію и всегда доставляла ему умственное наслажденіе. Долго ихъ ничто не раздѣляло. «Меня послѣ «Новаго Времени» едва ли пустятъ въ что-нибудь толстое», пишетъ Чеховъ. Это ироническое отношеніе къ «толстому» осталось у Чехова на всю жизнь. Всѣ смѣшныя доктрины читаютъ у него «Вѣстникъ Европы». Но все же постепенно онъ сблизился съ кругомъ «Русской Мысли» и «Русскихъ Вѣдомостей», съ Гольцевымъ, Собо-

левскимъ, Максимомъ Ковалевскимъ и, такъ же постепенно, отдалился отъ Суворина. Дѣло Дрейфуса, въ которомъ онъ страстно сталъ на сторону невинно осужденнаго, окончательно внутренне ихъ раздѣлило.

Самымъ замѣчательнымъ событіемъ въ его жизни за эти годы было его путешествіе на Сахалинъ. Что толкнуло его на эту, по тѣмъ временамъ трудную физически и тягостную душевно поѣздку? Какъ художнику она была ему не нужна. Чеховъ съ обыкновенною своей ясностью взгляда, это прекрасно понималъ и предупреждать друзей, чтобы они не ждали отъ нея литературныхъ плодовъ. И, дѣйствительно, столь, казалось бы интересная поѣздка черезъ всю Сибирь, многомѣсячное пребываніе на Сахалинѣ и возвращеніе черезъ Индію дали ему только для двухъ небольшихъ рассказовъ. Если вспомнить, что дала Сибирь Короленкѣ или Цейлонъ Бунину, — мы поймемъ какъ это мало. Поѣздка была задумана имъ, какъ большого стиля репортажъ, вродѣ недавнихъ анкетъ Надо или Лондра. Онъ потратилъ на нее много силъ и добросовѣстнаго труда. Прочелъ, подготавливаясь къ ней, цѣлыя томы, на Сахалинѣ одинъ безъ посторонней помощи устроилъ перепись. Не жажда впечатлѣній, а стремленіе прожить жизнь не бесполезно, успѣть сдѣлать что-то большое, общественно необходимое двигала Чеховымъ. «Мы сгноили въ тюрьмахъ миллионы людей, сгноили зря, безъ разсужденія, варварски, — писалъ онъ Суворину, — мы гоняли людей по холоду въ кандалахъ десятки тысячъ верстъ, заражали сифилисомъ, развращали и все это сваливали на тюрем-

ныхъ, красноносыхъ зрителей. Теперь вся образованная Европа знаетъ, что виноваты не зрители, а всё мы». Опубликованная имъ книга, повидимому, ускорила реформу русской Кайенны. Поэздка Чехова была не безплодна.

Та же потребность дѣла, культурной работы заставляла его всю жизнь находить время и силы на то, чтобы строить школы, собирать на нихъ деньги, попечительствовать въ нихъ, заботиться о библіотекѣ въ родномъ Таганрогѣ... И дѣлать это не между прочимъ, а очень упорно и съ большой вѣрой въ необходимость и въ значеніе того, что онъ дѣлалъ. Мечты Вершинина, что «черезъ двѣсти - триста лѣтъ жизнь будетъ невообразимо прекрасной» не были, повидимому, чужды самому Чехову. «Когда я слышу, какъ шумить мой молодой лѣсъ, посаженный моими руками, я сознаю, что... если черезъ тысячу лѣтъ человѣкъ будетъ счастливъ, то въ этомъ немножко буду виноватъ и я», — говоритъ докторъ Астровъ въ «Дядѣ Ванѣ». И Чеховъ страстно любилъ сажать цвѣты и деревья и на своей крымской дачѣ насадилъ изумительный садъ. Можно сказать, что жажда культурнаго дѣла, вѣра въ культуру была у Чехова религиозной. И поскольку она не зиждилась на религиозныхъ основахъ, а замѣняла религію, она была признакомъ времени (времени «малыхъ дѣлъ»), была однимъ изъ общераспространенныхъ «интеллигентскихъ» предразсудковъ. «Религиозное движеніе — говоритъ Чеховъ въ письмѣ къ Дягилеву по поводу Религиозно-Философскаго Общества — само по себѣ, а вся современная культу-

ра — сама по себѣ, и ставить вторую въ причинную зависимость отъ первой нельзя. Теперешняя культура — это начало работы имени великаго будущаго, работы, которая будетъ продолжаться, можетъ быть, еще десятки тысячъ лѣтъ для того, чтобы, хотя въ далекомъ будущемъ, человечество познало истину настоящаго Бога, — т. е. не угадывало бы, не искало бы въ Достоевскомъ, а познало ясно, какъ познало, что дважды два есть четыре». Эта живая вѣра, эти слова показываютъ, что свои мысли вкладывать онъ въ уста «Черному Монаху»: «Вѣчная жизнь есть. Васъ, людей, ожидаетъ великая, блестящая будущность... Быть избранникомъ, служить вѣчной правдѣ, стоять въ ряду тѣхъ, которые на нѣсколько тысячъ лѣтъ раньше сдѣлаютъ человечество достойнымъ царствія Божія, то есть избавятъ людей отъ нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ борьбы, грѣха и страданій — какой счастливый удѣлъ!» Какъ видно, можно въ вѣрѣ Чехова намѣтить два этапа: черезъ двѣсти-триста лѣтъ «необыкновенно прекрасная жизнь» и только черезъ нѣсколько тысячъ — царствіе Божіе и познаніе Бога, какъ дважды два четыре!

Всякая ограниченность, всякій предразсудокъ особенно удивляютъ въ Чеховѣ. Онъ смотрѣлъ на жизнь необыкновенно яснымъ, открытымъ взглядомъ. Онъ былъ одинъ изъ самыхъ духовно-свободныхъ русскихъ людей. Къ нему вѣрнѣе всего можно было приложить слова Пушкина —

«Дорогою свободной

Иди куда влечетъ тебя свободный умъ!»

— въ гораздо большей степени чѣмъ къ Тургеневу, любившему цитировать эти слова. Умъ его былъ изъ тѣхъ, можетъ быть, не очень обширныхъ, не очень творческихъ, но чрезвычайно трезвыхъ умовъ, которые не склонны къ обобщеніямъ, къ теоріямъ, но быстро подмѣчаютъ все, что условно и не правдиво. Но Чехову сравнительно легко досталась его свобода: онъ выросъ въ годы, считавшіеся безыдейными, въ годы разочарованія. Въ другое время грузъ идей и міросозерцаній былъ бы тяжелѣе, его было бы труднѣе откинуть. Изъ идейныхъ теченій только толстовство слегка коснулось его. Изъ всѣхъ вѣрѣхъ считаю наиболѣе близкой и подходящей для себя именно его вѣру, писалъ онъ Меньшикову. Онъ презиралъ отъ души всякіе анимы. Какъ то пошутилъ: «я сдѣлался марксистомъ». Это значило, что онъ продалъ свои сочиненія Марксу...

Въ 1897 году съ Чеховымъ произошло несчастье. Долго таившійся туберкулезъ прорвался съ большою силой и сдѣлалъ его инвалидомъ на остатокъ жизни. Но эти же годы принесли ему славу, громадный театральный успѣхъ, нѣкоторую матеріальную передышку. Только передышку. Чеховъ сдѣлалъ непоправимую ошибку въ устройствѣ своихъ матеріальныхъ дѣлъ: продалъ навсегда свои сочиненія Марксу за 75 тысячъ рублей. «Если я проживу не больше пяти или десяти лѣтъ — эта сдѣлка выгодна», писалъ Чеховъ. Прожилъ онъ не долго, но за это время опредѣлился его успѣхъ, и онъ жегился — лва обстоятельства, заставившія его сдѣлать попытку выкупить обратно

свои сочиненія. Попытка успѣха не имѣла.

«Милый вы человекъ, зачѣмъ вы засунулись въ актерскій и новобеллетристическій кружокъ?» писалъ ему Суворинъ. Съ актерскимъ кружкомъ, т. е. съ Художественнымъ Театромъ сблизилъ Чехова его театральное авторство и женитьба на О. Л. Книпперъ. Съ «новобеллетристическимъ» кружкомъ — общіе писательскіе интересы. «Со всѣми, имѣющими отношеніе къ литературѣ, скучно, за исключеніемъ очень немногихъ», писалъ онъ женѣ. Но, очевидно, безъ нихъ было еще скучнѣе. Впрочемъ скука царилъ въ литературной средѣ главнымъ образомъ до появленія молодыхъ беллетристовъ — Горькаго, Бункина, Леонида Андреева. Они внесли оживленіе въ литературу, а также и въ жизнь Чехова. «Новобеллетристическій кружокъ считаетъ меня чужимъ, отношенія его ко мнѣ теплы, но почти официальные», писалъ Чеховъ. Но онъ ошибался, его очень любили.

Послѣдніе годы Чехова прошли подъ знакомъ театра. Театральные интересы владѣли имъ. Художественный Театръ поставилъ всѣ пять его пьесъ. Двѣ изъ нихъ были специально для театра написаны. Театръ выросъ и окрепъ на Чеховѣ и въ свою очередь сдѣлалъ его необыкновенно популярнымъ, впервые далъ ему извѣдать настоящую славу.

«Шекспиръ плохо писалъ, а Въ еще хуже», говорилъ о его пьесахъ Левъ Толстой. (Англичане по этому поводу восторгаются юморомъ Толстого). Чеховъ былъ въ пьесахъ слабѣе не только Шекспира, но и самого себя. Нелѣзъ отрицать ни большого умѣнія, ни еще большей смѣлости Чехова

драматурга. Нужны были и смѣлость, и умѣніе, чтобы писать пьесы, въ которыхъ, какъ и въ его разсказахъ, ничего не происходить. Но это было не творчество, а то, что музыканты называютъ транскрипціей, переложеніемъ. Свое, «чеховское», онъ попробовалъ переложить на языкъ театра, какъ музыканты перекладываютъ вещи, написанныя для скрипки, на оркестръ, или съ оркестра на голосъ. Дѣлалъ онъ это мастерски. Театръ — искусство, обращенное во внѣ, подчеркивающее, усиливающее. Извольте переложить нѣжную колыбельную пѣсенку на мегафонъ. Но въ Художественномъ Театрѣ чеховскій тихій голосъ не терялъ своей прелести и со сцены. Въ пьесахъ его есть фигуры цѣликомъ, почти безъ измѣненій перенесенныя изъ разсказовъ. Напримѣръ, вѣчный студентъ «Вишневаго Сада», тотъ же Саша изъ разсказа «Невѣста», Чебутыкинъ — это докторъ изъ «Дуэли» и т. п.

Когда хотѣть опредѣлить мѣсто Чехова въ русской литературѣ, то очень часто прибѣгаютъ къ сравненію его съ Тургеневымъ. Толстой и Достоевскій — тѣ несоизмѣримы. Тургеневъ при жизни Чехова казался тоже несоизмѣримо большимъ писателемъ. Но съ тѣхъ поръ его слава испытала значительное затмѣніе, между тѣмъ какъ слава Чехова росла. Въ этомъ спорѣ — за Чехова чистота и оригинальность его искусства. Но Тургеневъ ярче, разнообразнѣе и порой утонченнѣе Чехова. Онъ богаче Чехова, у него большая «аллюра». Онъ выше Чехова въ выдумкѣ и въ пластиче-

ской силѣ. Иногда кажется, что онъ первоклассный писатель съ большими недостатками, а Чеховъ только очень совершенный второстепенный талантъ. Но нѣтъ ли противорѣчія въ такомъ соединеніи эпитетовъ? Совершенный художникъ не есть ли тѣмъ самымъ и великій художникъ?

Очень медленно и очень постепенно выяснилось, что Чеховъ — болѣе русскій, болѣе существенный для Россіи писатель, чѣмъ Тургеневъ. Что-то очень важное въ ликѣ Россіи онъ передаетъ. То, что въ живописи и музыкѣ передаютъ очень близкіе ему Чайковский и Левитанъ. Замѣчательно, что Чеховъ, художникъ слова, теряющій въ переводахъ, нашелъ высокую оцѣнку на Западѣ (оцѣнку кажущуюся русскимъ преувеличенной), — между тѣмъ какъ столь созвучныхъ ему Чайковского и Левитана въ Россіи или не знаютъ, или не цѣнятъ и значеніе ихъ остается (особенно у Левитана) чисто локальнымъ. Это объясняется совершенствомъ и оригинальностью чеховскаго мастерства. У тѣхъ форма заимствованная, «нѣмецкая», и за этой оболочкой иностранцамъ не замѣтна ихъ русская сущность: они имъ кажутся давними знакомцами, они прежде всего видятъ въ нихъ свое. Но если національное придаетъ крѣпость и существенность художнику, то, казалось бы, связь съ какимъ-нибудь опредѣленнымъ временемъ можетъ его обезцѣнить, а мы много разъ указывали на связь Чехова съ восьмидесятыми годами. Правда, Гете сказалъ, что «кто живетъ для своего времени, живетъ для всѣхъ временъ». Но въ этомъ афоризмѣ слѣдовало бы подчеркнуть слово «для». Да, великъ тотъ, кто жи-

ветъ для своего времени, создавать, обогащаетъ свою эпоху. Но какъ быть съ тѣми, кто отъ своего времени зависятъ? Недаромъ французы, чтобы отмѣтить въ искусствѣ то, что связано съ временемъ, скоропреходяще, вышло изъ моды употреблять выражение *à date*, т. е. носить черты определенной эпохи. А Чеховъ связанъ къ тому же съ такой, казалось бы незначительной «датой» какъ русскіе восьмидесятые годы. Кому интересно и само это время и то, что Чеховъ умѣщается въ своеобразную исторіософскую схему, выдуманную русской интеллигенціей, которая и сама го, говорятъ, сходитъ со сцены. Русская интеллигенція раздѣлила свою исторію на десятилѣтія и имѣла склонность всю исторію Россіи распредѣлять по этимъ десятилѣтіямъ. Нѣкоторые десятилѣтія оказались историческими, имѣющими своихъ «людей», т. е. интеллигентовъ, — таковы были двадцатые, сороковые, шестидесятые, восьмидесятые годы. Иныя десятилѣтія, какъ тридцатые и пятидесятые годы оказались какъ бы внѣ исторіи. Чеховъ — человѣкъ восьмидесятыхъ годовъ. Но за условностью и приблизительностью историче-

ской схемы скрывается большая социально психологическая правда. «Шестидесятые» или «восьмидесятые» годы это психологическія категоріи. Восьмидесятники были среди декабристовъ, существуютъ и теперь. Это одинъ изъ основныхъ и существенныхъ типовъ русскаго интеллигента. Мало того, «восьмидесятые годы», ихъ медленный темпъ, отсутствіе яркости, борьбы и событий, безпредметная тоска, безпричинная грусть — развѣ не были въ исторіи Россіи и въ другія десятилѣтія, можетъ быть, даже столѣтія? За интеллигентской оболочкой здѣсь скрыты основныя черты русской жизни и русскаго характера. Но въ духовномъ смыслѣ восьмидесятничество, съ немного иной окраской, можно найти не только въ Россіи. И вотъ Чеховъ вызываетъ любовь и сочувствіе въ столь чуждомъ ему англосаксонскомъ мірѣ. Писатель, жившій для своего времени, не старѣетъ въ инныя времена, въ другихъ странахъ. Особый звукъ его прозы не теряетъ предели и въ переводѣ. Восьмидесятникъ Чеховъ оказался и очень русскимъ, и очень общечеловѣческимъ писателемъ.

Мих. Цетлинъ.